

КРИТИКА—В РОЛИ ПАДЧЕРИЦЫ

Сев. Чувашский — Чебоксары — 1992 — 24 мая

Видеть что-то необычное в том, что Комиссия по культуре, развитию языка и межнациональным отношениям Верховного Совета Чувашии обсудила вопрос «О роли Чувашского музыкального театра в духовной культуре республики и об основных направлениях его развития», надо полагать, нет никаких оснований. Ведь комиссия верховного органа власти для того, в частности, и создана, чтобы в сфере своей деятельности замечать все важное и в необходимых случаях высказывать по этому свои суждения и рекомендации. Как правило, они воспринимаются коллективами для должностными лицами как помощь ради улучшения дела. Но в данном случае реакция была иной: многие сотрудники театра, в том числе и его руководитель, обсуждение названного вопроса оценили как «неквалифицированное вмешательство» в их дела, как «травлю», чью-то стремление очернить работу коллектива, оклеветать, опорочить его».

Комиссия пригласила на обсуждение проекта решения большую группу творческих работников театра, а также музыковедов. Впрочем, на заседание могли прийти все желающие. Председатель комиссии А. Хузангай зачитал проект и попросил присутствующих высказаться по нему. И многие с ходу, как говорится, ринулись в бой на защиту чести и достоинства коллектива.

И проект в целом, и особенно критические замечания, содержащиеся в нем, некоторыми отвергались категорически, с негодованием. Дружно и напористо доказывалось, какой у нас в Чебоксарах отличный, уникальный музыкальный театр, какую огромную работу он проводит. Звучали упреки и в адрес средств массовой информации, дающих якобы много негативной информации по театру или даже начавших против него «клеветническую кампанию». Самую же большую несправедливость театральные деятели усмотрели в упреках за низкий уровень чувашских спектаклей, отсутствие серьезной, доброжелательной и терпеливой работы с композиторами республики. Тут вина не наша, а самих композиторов, уверяли они. А одна из актрис даже безапелляционно заявила: «Всю белобердую, которую написали чувашские композиторы, мы поставили».

Наверное, в какой-то мере все мы грешны желанием предстать перед другими в выгодном нам свете. Люди искусства к тому же отличаются чувствительностью, душевной ранимостью, эмоциональностью. Хотелось бы понять их, сочувствовать им, но как это трудно, если кто-то, оправдывая себя во всем, ни с чем не считаясь, чернит других. Если на заседании иные пытались обвинять комиссию в «травле театра», в том, что «единомышленники» занимают

ся в коллективе «разделением людей на русских и чувашей». Прием, в общем-то, весьма простой и даже примитивный: коль замечашь мои недостатки — плох сам, если говоришь негодное мне — то имею право я перебивать, и всячески мешать оппоненту. Право же, очень трудно сопоставить возникающие после этого чувства с восторженными аплодисментами зрителей, покоренных теми же мастерами сцены. Потому и не хочется называть их имена, ибо пользы от этого, видимо, будет меньше, чем вреда.

В ходе обсуждения в текст постановления вносилось немало поправок, в том числе и о позитивных моментах в деятельности театра (например, о том, что в нем немало высококвалифицированных солистов и руководителей служб), предлагалось исключить некоторые недостатки обобщенные критические замечания. И против этого, в сущности, никто не возражал.

В целом же, как заметил кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник НИИ языка, литературы, истории и экономики М. Кондратьев, обсуждение показало, что оценки театру комиссией даны справедливые, что нельзя ему ориентироваться на провинциальный уровень. Не сообразился он и с высказываниями насчет «негативной информации» в печати («собираю все газетные выступления по музтеатру и вижу, что крити-

ки в них крайне мало»). Неожиданные для многих данные (словно ушат студеней воды) привнесла музыковед С. Макарова: в России всего 34 театра оперы и балета, и среди них Чувашский музыкальный по посещаемости занимает 27 место (по итогам прошлого года). Говорила она и о том, что спектакли театра свою первоначальную художественную планку впоследствии опускают все ниже и ниже, до самодеятельного уровня, что совершенно справедливо критика и за отсутствие сотрудничества с местными композиторами.

А член комиссии композитор Н. Казаков, высказавшись по нескольким «большим» проблемам, напомнил и о конфликтах в театральном коллективе. То же самое наглядно подтверждали некоторые другие выступавшие. Например, художник В. Федоров и солист В. Иванов. Последний, в частности, сказал: «Меня и Прокопьева (тоже солиста) начали теперь травить, так как мы нередко имеем свое, отличное от других, мнение, не скрываем свою творческую неудовлетворенность работой и несогласие с целым рядом решений администрации: а такое «инакомыслие» у нас преследуется». Ослобительно отнеслись присутствующие к мысли, высказанной одним из ветеранов театра, участником его создания П. Филипповым, что во главе творческого коллектива должен стоять такой жу-

дожник, каким был первый его руководитель Борис Марков (сейчас же тут нет ни главного режиссера, ни главного драмжера). И вообще тема подготовки, подбора и воспитания кадров, особенно национальных, на этом заседании была одной из главных.

«Сейчас самое важное для нашего коллектива — объединить все усилия и определить пути движения вперед, какими постановками пополнить репертуар (конечно, не в гримзе, а в полнинном содружестве)», — это пожелание высказал главный балетмейстер театра В. Бударин. Аналогичную точку зрения выразил, подводя итоги обсуждения, и председатель комиссии А. Хузангай. Хотелось бы, — сказал он, — чтобы каждый работающий в театре был активным участником творческого процесса, создания высокопрофессиональных спектаклей».

В рекомендациях комиссия, адресованных Министерству культуры республики, содержит пункты об условиях приема на работу главных специалистов театра, перехода на контрактную систему, о хоздатыстве по открытию школы для особо одаренных детей при Чебоксарском музыкальном училище им. Ф. П. Павлова и об изучении опыта Татарского государственного музыкального театра.

М. ИВАНОВ.